

Н.В. НАЛЕГАЧ

(Кемеровский государственный университет,  
г. Кемерово, Россия)

УДК 821.161.1.09(Рождественский)  
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

## СТИХОТВОРЕНИЕ И. АННЕНСКОГО «СРЕДИ МИРОВ» В ПОЭТИЧЕСКИХ ОТРАЖЕНИЯХ ВС. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

**Аннотация:** В статье рассматриваются стихотворения Вс. Рождественского, образность, тематика, мотивы которых восходят к стихотворению И. Анненского «Среди миров». Сопоставительный анализ этих поэтических текстов обнаруживает принцип тематической раздельности в усвоении Вс. Рождественским традиции И. Анненского. Так, в стихотворениях «Я начал день свой пушкинским стихом...» и «Для всех раскрыты грустные страницы» обращение к символу таинственной звезды приводит к развитию темы творчества и созданию образа души поэта. А в стихотворении «Звезда» получает развитие мотив единственной и вечной любви.

**Ключевые слова:** Вс. Рождественский, И. Анненский, «Среди миров», звезда.

Стихотворение И. Анненского «Среди миров», вошедшее в его книгу стихов «Кипарисовый ларец», оказалось одним из немногих, интерес к которому устойчиво сохранялся в русской культуре на протяжении всего XX столетия. Об этом свидетельствует и ряд его переложений на музыку от А. Вертинского до Б. Гребенщикова<sup>1</sup>, и оказавшийся востребованным в русской лирике образ единственной звезды, сохраняющей свою связь с текстом стихотворения И. Анненского.

Несмотря на то, что акмеисты зачастую негативно оценивали образ звезд, на что неоднократно указывалось в современном литературоведении<sup>2</sup>, в поэзии авторов, вышедших из «Цеха поэтов», притяжение к этому стихотворению И. Анненского с его ключевым символом единственной звезды, прослеживается достаточно ярко. Одним из них является Вс. Рождественский. Так, в его поэзии стихотворение «Среди миров» оказывается подтекстом по отношению к таким, как «Я начал день свой пушкинским стихом...» (1960), «Звезда» (1966) и «Для всех

---

<sup>1</sup> Практически полная подборка переложений и исполнений этого произведения имеется в «Цифровом архиве Анненского» // URL: annensky.lib.ru [создатель и модератор сайта М.А. Выграненко].

<sup>2</sup> Кихней Л.Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. – М., 2004. С. 92-93; Мустатов В.В. Лирика Осипа Мандельштама. – Киев, 2000. С. 44.

раскрыты грустные страницы...» с посвящением И. Анненскому (опубл. 1980).

Еще в портретных стихотворениях Вс. Рождественского образ И. Анненского оказался прочно связан с образом А. Пушкина. Поэтому вполне закономерно, что и в стихотворении «Я начал день свой пушкинским стихом...» образ одного поэта вызвал другого. В комментариях к тексту, подготовленному М.В. и Т.В. Рождественскими, образ Кифареда одновременно соотносен как со статуей Аполлона-Кифареда в Павловском парке, так и с героем драмы И. Анненского «Фамира-Кифаред»<sup>3</sup>. Предположение подкрепляется предшествующим образу Кифареда образом взыскательной и строгой звезды: «Но мнится мне – взыскательно и строго / там, в высоте, прорезалась звезда. // Меня с ней тонкий луч соединит, / Как с сердцем друга вещая беседа, / И этот луч стрелою Кифареда / Разбудит отозвавшийся зенит» (с. 236). Звезда – вещая собеседница, друг – раскрывается в стихотворении как образ души поэта, лучами проникающий в душу лирического «Я» и наполняющий его вдохновенным состоянием.

Следует отметить, что образ звезды может восходить здесь еще к одному стихотворению И. Анненского – к его кантате «Рождение и смерть поэта», написанной по поводу 100-летнего юбилея Пушкина и исполненной во время торжеств в Царскосельской Николаевской мужской гимназии ее учениками. Интересен образный ряд кантаты. Так, образ звезды является магистральным, возникая в песне о рождении поэта: «Не звезда в полночи затеплилась / <...> / Нарождается надежда – молодой певец» (с. 77)<sup>4</sup>, затем вновь проявляясь в повествовании о его смерти: «Там ночи туманной / Холодные звезды» (с. 78), воплощается в символе вифлеемской звезды: «О тень, о сладостная тень, / Стань вифлеемскою звездой, / Алмазом на ее груди – / И к дому бога нас веди» (с. 79). Через развитие символического образа звезды отчетливо разворачивается мифологема: рождение – смерть – восхождение.

Введение данного образа через былинный зачин<sup>5</sup> (надо отметить, что в типичных русских былинах такое сравнение рождения богатыря со звездой практически не встречается и создано И. Анненским через

---

<sup>3</sup> *Рождественский Вс.* Стихотворения / Сост., подгот. текста и примеч. М.В. и Т.В. Рождественских; вступ. ст. А.И. Павловского. – Л., 1985. С. 511-512, 535. Здесь и далее стихотворения Вс. Рождественского приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках непосредственно после цитаты.

<sup>4</sup> Здесь и далее стихотворения И. Анненского приводятся по изданию: *Анненский И.Ф.* Стихотворения и трагедии / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. А.В. Федорова. – Л., 1990. (Библиотека поэта. Большая серия).

<sup>5</sup> Овладение И. Анненского поэтикой былин подкреплялось его научными интересами. Так, по окончании университета он публикует работу «Из наблюдений над языком и поэзией русского севера» (СПб., 1883).

развитие устойчивой метафоры из астрального мифа) позволяет обратиться к народному поверью, восходящему к мифу об астральности души, суть одного из вариантов которого в том, что, когда человек рождается, звезда падает на землю, когда же умирает, она возвращается на небо. А.Н. Афанасьев указывает, что данный миф был широко распространен у всех индоевропейских народов, причем в варианте, актуальном для И. Анненского, он встречается еще у Аристотеля: «По словам Аристотеля, душа усопшего превращается в звезду, и чем во время земной жизни бывает она пламеннее, возвышеннее, доступнее для духовной деятельности, тем блистательнее горит она по смерти человека»<sup>6</sup>. Сюжет этого мифа прослеживается и в стихотворении: не звезда затеплилась – жизнь поэта, когда же он умирает, его манят к себе обратно холодные звезды. Возвратившись на небо, душа поэта становится алмазом на груди вифлеемской звезды. Благодаря этому символу вводятся христианские ассоциации, одна из которых позволяет осмыслить назначение поэта в контексте религиозных исканий народа, что опять-таки актуализирует античную концепцию о поэте как учителе народа.

Другой ассоциативный ряд выстраивается в сопоставлении полного страданий пути Христа и исполненной невзгод и лишений жизни А. Пушкина. При этом в обоих случаях звучит мотив преодоления мук посредством веры, надежды и любви: «Но бог любовью окрылил / Его пленительные грезы / И в чистый жемчуг перелил / Поэт свои немые слезы» (с. 78). Так поэтически переосмыляется И. Анненским пушкинский образ поэта-пророка и связанный с ним образ вещего сердца – души как пламенеющего огнем угля (в христианской традиции сердце и душа часто употребляются как синонимы). Образы звезды и пламенеющего угля ассоциативно соотнесены между собой через мотив сияния, светоносности, при этом связующим звеном между ними выступает образ алмаза на груди вифлеемской звезды. Таким образом, символ звезды в стихотворении И. Анненского, намекая на пушкинский образ пламенеющего угля, вбирает его в себя, но при этом строится на развитии оппозиции: пылающий земным жарким огнем уголь (жизнь А. Пушкина) – сияющая холодным небесным светом звезда (поэзия А. Пушкина, ведущая в мир идеала). Творчество становится тем горнилом, в котором «вещее сердце» перегорает из пламенеющего угля в алмаз на груди вифлеемской звезды. Этот мотив перевоплощения и мучительного пылания жизни поэта подкреплен у И. Анненского, как всегда, конкретным, «вещным» явлением: при необыкновенно высокой температуре уголь «превращается» в алмаз. Сила и таинство твор-

---

<sup>6</sup> Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т. 3. – М., 1995. С. 106.

чества заключаются в том, что поэт оказывается способным «перелить» страдания и муки несовершенной действительности, тленного мира в «чистый жемчуг» поэзии, в миг совершенного гармоничного бытия произведения искусства. Но чтобы это превращение произошло, необходимо сжечь собственную душу в пламени жизни (= жизненных впечатлений) дотла. Наградой за этот подвиг окажется преобразование души поэта из угля в алмаз. Этот мотив очищения, просветления мук бытия силой творчества является одним из ключевых в поэзии И. Анненского и связывается им, как видно из стихотворения «Рождение и смерть поэта», с истинным предназначением поэта, которое удалось воплотить в жизни А. Пушкину. Отсюда представление о нем в творчестве И. Анненского как об идеальном поэте.

Отсылка через сходно развивающуюся образность к кантате И. Анненского позволяет Вс. Рождественскому усилить взаимосвязь образов И. Анненского и А. Пушкина в своем стихотворении, а также ценностно обозначить свое отношение к поэзии поэта-предшественника.

Кроме того, следует отметить во второй строфе стихотворения Вс. Рождественского характерный для поэзии И. Анненского мотив листов-листьев, подчеркивающий единство мира природы с миром искусства: «О чем шумит бессонных листьев речь? / Как разгадать их тайное значенье? / И вот уже игла воображенья / Легко успела сердце мне обжечь» (с. 236).

Следовательно, образ пушкинского стиха, сверкнувшего с развернутой страницы, актуализирует не только тему приобщения лирического героя-поэта к пушкинской традиции, но, развиваясь в поле образно-мотивных ассоциаций, характерных для поэзии И. Анненского, дает своеобразный мотив поэзии как путеводной звезды, наполняющей жизнь лирического «Я» смыслом посредством связи с другими поэтическими мирами.

В контексте разговора о реминисценции к стихотворению И. Анненского «Рождение и смерть поэта» следует упомянуть и стихотворение Вс. Рождественского «Светом бывает тьма разбужена...» (1966), содержащее мотив творчества как преобразования муки жизни силой поэзии, развивающийся в тесной взаимосвязи с образом растущей в раковине моллюска жемчужины.

С первой же строфы тема творчества, которая в контексте образности И. Анненского и отчасти Н. Гумилева представлена посредством рождения жемчужины от песчинки (здесь также можно указать и на переключку с ахматовским «Когда б вы знали из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда»), включена Вс. Рождественским в тему онтологического противостояния света и тьмы, где искусство, метафорически представленное образом жемчужины, растущей во тьме раковины,

соотнесено в духе пушкинской традиции с началом света, борющегося и нарастающего вопреки тьме: «Светом бывает тьма разбужена / В непрекращающемся поединке. / Тысячелетья растет жемчужина / В мякоти раковины – от песчинки» (с. 278). Во второй строфе жемчужина соотносится с правдой жизни, с ее стремлением к росту и поискам путей к свету: «Там, в глубине, где морские слизи / Плотно ребристые сжали створки, / Эта песчинка – прообраз жизни – Ищет в потемках дороги зоркой» (с. 278), подготавливая в третьей строфе мотив претворения тьмы вопреки страданиям и боли и благодаря упорной вере в светлое начало: «И не по прихоти иль своеволью, / А оттого, что мученье длится, / Всё, что дано нам любовью, болью, / В радость нежданную обратится» (с. 279), что буквально соответствует созданному И. Анненским образу пушкинского творчества как идеальной модели поэзии в кантате «Рождение и смерть поэта»: «Но бог любовью окрылил / Его пленительные грезы / И в чистый жемчуг перелил / Поэт свои немые слезы» (с. 78).

Первые три строфы стихотворения Вс. Рождественского основаны на развитии мотива неизбежности творческих мук, а две заключительные, в отличие от И. Анненского, у которого этот мотив сопровождался представлением о творчестве не только как даре, но и чуть ли не проклятии («Но когда б и понял старый вал, / Что такая им с шарманкой участь, / Разве б петь, кружась, он перестал / Оттого, что петь нельзя, не мучась?..» (с. 91)), держатся на мотиве притяжения этих мук как непреложного закона бытия, задавая не свойственный для поэзии И. Анненского мотив смирения. Если у И. Анненского проклятые вопросы существования становились источником мучительного сомнения в самом смысле бытия и человеческого существования в нем, то у Вс. Рождественского, напротив, оплаченное страданием слово обретает силу правды и, тем самым, способно нести в себе радость, которая искупает неизбежность страдания: «А проще сказать – пусть зреет слово / Неторопливо и полноценно, – / Тогда и старое будет ново / Правды крупичею неизменной. // Если жемчужины нет без боли, / Если и радость – венец страданья, / Что бы ты делал без вечной соли, / Горестной спутницы существованья?» (с. 279).

Возвращаясь к звездной образности, отметим, что в стихотворении «Звезда» (1966) отсылки к стихотворению «Среди миров» более очевидны и поэтически точнее связаны с развитием смыслов, заданных в стихотворении предшественника. Оба стихотворения напрямую связаны с темой любви и строятся на мотиве уникальности и единственности избранницы, которая сравнивается со звездой. Тем не менее, в стихотворении И. Анненского образ Звезды не ограничивается любовной темой. Более того, эта любовь, укорененная в сфере идеала, что подчеркнуто астральной символикой, скорее, изображена как духовная

близость, нежели земное чувство, и может проецироваться не только на образ женщины, но и поэзии и шире – сферы идеала. Стихотворение Вс. Рождественского целиком и полностью принадлежит к любовной лирике.

Романтическое, по сути, отношение к этому стихотворению И. Анненского у Вс. Рождественского отметила еще И.А. Васильева: «Вс. Рождественский находился, несомненно, под обаянием таких строк Ин. Анненского, как «среди миров в мерцании светил, одной звезды я повторяю имя...». В начале двадцатых годов он создал много прекрасных стихов о любви: «Мы с тобой когда-нибудь поедем...», «Земное сердце не устанет...», «Помнишь маленьких калиток хрипы...», «Дворик наш затянут виноградом...», «В этой комнате просьемся мы с тобой...». Разумеется, эти стихи не простое подражание Ин. Анненскому. В лирике Вс. Рождественского отчетливо слышен его особенный, неповторимый голос, придающий стихам своеобразие: в основе – простое, безыскусственное, искреннее чувство, вызванное ощущением радости жизни. Любовь ослепляет поэта своей силой, она целомудренна, светла, романтична»<sup>7</sup>.

В свете отсылки к И. Анненскому изящным преломлением этой реминисценции выглядит рефреном повторяющийся четвертый стих, завершающий каждую из трех строф: «Одну тебя, одну тебя» (с. 274). Этот композиционный прием является откликом на начальные строки стихотворения И. Анненского: «Среди миров, в мерцании светил / Одной Звезды я повторяю имя...» (с. 153) (подчеркнуто мною – *Н.Н.*). В обоих случаях перед нами выражение мотива постоянства чувства на фоне мерцающей и подвижной в смысловом отношении реальности бытия (в стихотворении И. Анненского) или суеты человеческого существования (в стихотворении Вс. Рождественского). И если в стихотворении И. Анненского мотив неизменности чувства к Звезде противопоставлен ускользающим мерцаниям всех остальных смыслов, что ценностно возвышает Одну Звезду над всеми остальными, превращая ее в символ надежды и веры в существование вечных ценностей в мире, полном сомнений: «И если мне сомненье тяжело, / Я у Нее одной ищу ответа, / Не потому, что от Нее светло, / А потому, что с Ней не надо света» (с. 153), то у Вс. Рождественского тот же контраст мотивов дает иной смысл. В его стихотворении за счет усиления мотива постоянства чувства даже тогда, когда лирический герой в третьей строфе изображен покинувшим мир живых, ведет тему торжества силы любви, над которой не властны ни суета жизни, ни смерть.

---

<sup>7</sup> *Васильева И.А.* Всеволод Рождественский. Очерк жизни и творчества. – Л., 1983. С. 94-95.

Заложенное И. Анненским двуединство смыслов любви и поэзии в символе единственной Звезды в творчестве Вс. Рождественского получает раздельное развитие. Если в стихотворении «Звезда» текст предшественника способствовал развитию темы любви, то в стихотворении «Для всех раскрыты грустные страницы...» – темы творчества.

Первая строфа стихотворения «Для всех раскрыты грустные страницы...» начинается с приглашения читателям войти в поэзию Анненского, знаком которой здесь выступают его трилистники: «Для всех раскрыты грустные страницы / Трилистников раздумий и тревог, / Войдите в них, чтоб Вам могло присниться / То, что поэт другим сказать не мог»<sup>8</sup>. Показателен мотив сна, посредством которого должно состояться окончательное понимание едва уловимых в его лирике смыслов, балансирующих на грани яви и сна, того, что можно метафорически назвать поэтикой мерцающих смыслов. Добавим к этому значимый в поэзии И. Анненского мотив сна как приобщения к сфере поэзии Другого, например, П. Верлена в стихотворении «Не могу понять, не знаю...», вторая строфа которого является вариацией эпитафии, предпосланного книге стихов «Тихие песни». Здесь же можно упомянуть и его стихотворение «Мой стих», в третьей строфе которого вновь обнаруживается мотив ночной природы поэтических смыслов, посещающих разных поэтов: «Я не знаю, кто он, чей он, / Знаю только, что не мой, – / Ночью был он мне навеян, / Солнцем будет взят домой» (с. 178). Таким образом, в первой строфе стихотворения Вс. Рождественского оформляется лирическая ситуация погружения в поэтический мир И. Анненского посредством актуализации мотивно-тематического и образного своеобразия его лирики.

Во второй строфе продолжается развитие мотива ночной поэзии-грезы: «Через года, рассеянные дымом, / Сгоревшие в мучительном огне, / О самом тайном и неизъяснимом / Вы вспомните в полночной тишине». При этом он дополняется реминисценцией к стихотворению И. Анненского «Третий мучительный сонет», содержащейся во втором стихе строфы. Этот стих представляет собой сплав характерных образов И. Анненского – мучительного сонета и стихов, «перегоревших на медленном огне» рефлексии: «Они – минуты праздного томленья, / Перегоревшие на медленном огне» (с. 80). Трансформация мотива ведет к изменению смысла. У Анненского «Третий мучительный сонет» ритмически (6-стопный ямба), жанрово (сонет) и тематически (тема творчества, вдохновения) связан с сонетом «Ненужные строфы», в терцетах которого мифопоэтически изображено мучительно пережи-

---

<sup>8</sup> Текст стихотворения зд. и далее приводится по работе: *Финкельштейн К.* Поэты Царскосельской Николаевской гимназии // Иннокентий Федорович Анненский. Материалы и исследования. 1855 – 1909. – М., 2009. С. 463.

ваемое лирическим «Я» сожжение рукописей со стихами в каминном огне как жертвоприношение Аполлону – строгому хранителю совершенства художественной формы<sup>9</sup>. В стихотворении Вс. Рождественского сплав этих реминисценций в продолжение первой строфы дает мотив воскрешения сгоревших стихов в поэтическом сне читающего поэзию И. Анненского. Этот мотив закономерен в контексте эстетических взглядов И. Анненского, предполагавшего существование некоего надличного поля поэтических смыслов, из которого отдельные стихи приходят в индивидуальную авторскую систему. Но, даже индивидуализируясь в конкретной авторской системе, они не порывают с общим полем «коллективного мыслестрадания». С другой стороны, не уловленные и в совершенстве не воплощенные в одной поэтической системе они рано или рано или поздно прорастут в другой: «Видишь – он уж тает, канув / Из серебряных лучей / В зыби млечные туманов... / Не тоскуй: он был – ничей» (с. 178).

Образная система третьей строфы строится на отсылках к стихотворению И. Анненского «Среди миров», что поддержано и в заключительной четвертой строфе: «Не счесть чудес в сиянии морозном / Иных миров на берегах Невы, / И в эту ночь, в ее дыханье звездном / О тайне тайн задумаетесь Вы. // И та звезда, которой нет названья / Среди других всем ведомых светил, / Лишь Вам тогда отдаст свое сиянье, / Как верный знак, что кто-то Вас любил». Символика таинственной звезды, заданная стихотворением И. Анненского в контексте стихотворения Вс. Рождественского разворачивается в нескольких смысловых наполнениях: звезда – обещание постижения тайны тайн; звезда – бессмертная душа И. Анненского, запечатлевшаяся в его поэзии; звезда – символ любви как оправдания и смысла земного человеческого существования.

Показательна мотивно-образная симметрия, заложенная в композиции стихотворения Вс. Рождественского. В первых двух строфах ведущим является мотив творческого вдохновения, в связи с чем актуализируются отсылки к таким стихотворениям И. Анненского, как «Не могу понять, не знаю...», «Третий мучительный сонет», «Ненужные строфы», «Мой стих», в двух последних – мотив восприятия поэтического наследия И. Анненского развивается, по сути, как постижение его стихотворения «Среди миров», которое в свете такого композиционного решения становится символом тайного очарования по-

---

<sup>9</sup> Подробнее об этом мотиве см. работы: *Гитин В.Е.* «Интенсивный метод» в поэзии Анненского (поэтика вариантов: два «пушкинских» стихотворения в «Тихих песнях») // *Русская литература.* 1997. № 4. С. 34-53; *Барковская Н.В.* Жажда аутодафе (Стихотворение И. Анненского «Но для меня свершился выдел...» в контексте русской литературы начала XX века) // *Иннокентий Федорович Анненский. Материалы и исследования.* 1855 – 1909. – М., 2009. С. 303-309.



эзии И. Анненского, самой ее сути, центром (разыгрывающим образность звезды как светила) его поэтической системы. Наконец, объединяются эти условно обозначенные две части стихотворения Вс. Рождественского мотивом чтения стихов И. Анненского как вхождения в его особый мир.

Можно видеть, что стихотворение И. Анненского «Среди миров» с его символом единственной таинственной Звезды породило целую серию поэтических отражений в лирике Вс. Рождественского. При этом наблюдается определенная закономерность. Если в стихотворении И. Анненского сила любви и тайна поэзии представлены в нерасторжимом мотивно-тематическом единстве, то в творчестве Вс. Рождественского в разных стихотворениях развивается либо тема любви, либо тема поэзии. В последнем случае она оказывается обусловленной созданием образа души поэта-предшественника.

